

обретенные культурные новации позитивно отразились на структуре традиционной культуры, а подчас, ведут к разрушению ее.

Литература

1. Ананьев А. Призвание Рюриковичей или тысячелетняя загадка России. – Октябрь, 2003. - № 2. – С.16.
2. Межуев В. М. Проблема современности в контексте модернизации глобализации // Полигия, 2000. - № 3. – С. 102 – 115.
3. Самохвалова В. И. Культура, цивилизация, глобализация // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 11 (23).- М., 2002.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.- М., 2003.

ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ РОССИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

В.П. Горюнов, О.Д. Шипунова
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет

В основе социального познания, в том числе исследования конкретных социальных объектов (исторических общностей) лежат две аксиомы, представляющие собой два противоположных ответа на вопрос – может или не может общество обеспечить всеобщее выживание своих членов? Положительный ответ привычен, но он не позволяет объяснить общественную жизнь во всем многообразии ее противоречий. Отрицательный ответ еще не получил достаточного распространения, но методологически он более продуктивен. Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

В соответствии с выбранной исходной посылкой, являющейся методологической базой социального исследования, строится целостная социально-теоретическая модель общества.

Но есть еще один фундаментальный философский вопрос – может ли человек, как род, обеспечить неограниченное собственное выживание вообще, безотносительно к проблеме вышеуказанного личностно-всеобщего выживания, т.е. к проблеме социального устройства? Здесь имеются два возможных предела:

1. Абсолютный экологический порог, обусловленный самой природой.
2. Абсолютный техносоциальный порог, обусловленный техносоциальной формулой общества. Этот порог, также связанный с уровнем освоения природы, состоит в том, что с какого-то момента затраты на производство ресурсов жизни становятся настолько велики, что расширенное их воспроизводство оказывается невозможным. В конечном счете, речь идет о пределе материально-технического развития общества в контексте его техносоциальной формулы, то есть о теоретическом пределе эффективности производства. Признание или отрицание этого предела не влияет на выбор социально-теоретической модели общества, но имеет принципиальное мировоззренческое значение, как и вопрос об абсолютном экологическом пороге существования социума.

В статье формулируются тезисы, содержащие оценки социально-экономических преобразований России, называемых постсоциалистическими реформами, проводимыми в тече-

ние последних пятнадцати лет. Оценки следует рассматривать только в контексте приведенной выше методологии, которую можно обозначить как социальную аксиоматику, позволяющую, тем не менее, составить достаточно целостную картину российского общества на современном этапе.

Техническое конструирование (изобретения конструкций, разработка технологий и пр.) требует знания законов природы, естественнонаучного знания. Донаучный период, когда знания вырабатывались в самой практике, в этом плане принципиально ограничен. Такая же ситуация и в выработке социально-экономических конструкций, в частности, политики. Однако в политике нет истинных и ложных решений. Критерий истинности здесь – выживание, как отдельных людей, так и целых общностей. Но это не абсолютный критерий, ибо он не определяет, выживание каких людей и общностей истинное, а каких ложное? Таких показателей просто не существует.

Техническое конструирование обусловлено законами природы и человеческими потребностями. В принципе можно сконструировать нечто совершенно ненужное. Социальное конструирование тоже определяется законами и потребностями. Но потребности здесь не общечеловеческие, они проистекают из борьбы интересов, конечным из которых является выживание.

Различного рода экспертные аналитические выступления по поводу тех или иных социальных событий обычно представляют собой формулировки проблем, исторические аналогии, прогнозные сценарии, сопровождаются диаграммами, графиками, таблицами и другой информацией, но, как правило, не опираются на теоретическое объяснение, не вскрывают сущность, а остаются на уровне явления. Однако необходимо именно объяснение, вытекающее из фундаментального социологического закона, определенной социальной геометрии, выстраиваемой в соответствии с выбранной исходной посылкой.

Исследование конкретной общности начинается с определения ее геоисторической формулы, включающей значения ресурсов территории, трудового потенциала (численность и качество населения), военного потенциала, характер вхождения в систему межобщностного взаимодействия (эквивалентность обмена результатами деятельности) и т.д. Эта формула применима и для конкретного расчета и как общетеоретическая модель. Она не указывает конкретные содержательные элементы, их конкретные величины и конкретные технологии управления, тем более конкретные управленческие решения. Но указывает базовые принципы социальных отношений и базовые принципы управления обществом: характер социальной дифференциации, характер власти, роль государства и пр. То есть указывает специфику социальной геометрии общности, особенности ее социального пространства.

Ассоциации живых организмов в природе являются целостными системами, элементы которых не могут существовать по отдельности, вне системы. Первые человеческие объединения функционировали по тому же принципу, но с той разницей, что функциональные различия их членов определялись уже не только сугубо биологическими данными (качествами), но и орудийной оснащенностью, наделяющей людей новыми возможностями в деле добывания ресурсов жизни. Соответственно, вся общественная система переходит с биологических оснований своей организации (целостности) на технологические основания, ее структурными элементами становятся уже не люди-организмы, а люди-орудия, объединенные в общество в качестве технологических функций. В процессе материально-технического развития, все более определяемого научно-техническим прогрессом, место человека в обществе практически полностью перестает зависеть от его исходных, естественных качеств.

Борьба за выживание в обществе не является войной всех против всех, ведущейся на атомарном (индивидуальном) уровне, она изначально является организованно-групповой, предполагающей социальное разделение на своих и чужих, “мы” и “они”. Это разделение пронизывает общество на всех его структурных уровнях, за принадлежность к более высоким из которых и ведется социальная борьба. Абсолютные показатели жизни людей на

разных уровнях различны, но их относительная сопоставимость в принципе одна и та же. При этом общественные и политические объединения, являющиеся организационной основой общественной консолидации, объединения людей в группы, идентифицирующие себя в качестве своих, создаются активистами, самоутверждающимися в жизни таким способом.

Отношение “цель – средство” является фундаментальным социальным отношением, исторические формы отъема чужого жизненного ресурса меняются. Современность в этом плане характеризуется тем, что данное отношение реализуется за счет разницы уровней квалификации. Здесь действует не просто разделение труда в общей системе производства, а неэквивалентный обмен результатами деятельности. За малоквалифицированный труд человек меньше получает, хотя своего жизненного ресурса затрачивает больше. В отношениях между странами происходит то же, что и между индивидами. На смену завоеванию территории, колонизации, неокolonизации с ее монокультурным производством приходит информационно-технологическая колонизация, когда в отстающих странах создается такой порядок, когда они сами добывают ресурсы и отдают их в процессе неэквивалентного обмена передовым странам. Модель ресурсной подпитки лидирующих общностей: номенклатура ресурсов жизни расширяется. Не только энергоносители и минеральное сырье. Сюда входит и утечка мозгов, рабочей силы и пр. Т.е. перекачиваются вообще ресурсы жизни.

В сфере межобщностных отношений характерно стремление к тому, чтобы было произведено и потреблено больше внутри, чтобы в результате обмена с внешним миром накапливался ресурс, потребляемый внутри. В лидирующих общностях высокие цены и высокие зарплаты. Это выгодно в отношениях с сырьевыми странами, поскольку обеспечивает неэквивалентный обмен. Но этот механизм не искусственно созданный, он выражает ускоренное инновационное развитие, темпы обновления нарастают, разрыв в уровнях развития увеличивается. И в межиндивидуальных отношениях то же самое: обновление предметов потребления ускоряется, бедные все больше отстают. Переход к передовому, обновление – требуется увеличение авансирования ресурсов. Население передовых общностей все больше живет в долг, и вся страна в долг. Такое положение поддерживается только дополнительной подпиткой, если ее убрать, произойдет взрыв.

Глобальный мир можно рассматривать как одну общность, объединяемую необходимостью совместной жизни разных общностей по определенным правилам, при соблюдении общих норм, по аналогии с подчинением отдельных индивидов (граждан) законам права и морали. Однако в глобальном мире предполагаются правила жизни в интересах лидеров (как и в рамках отдельной общности), а тех, кто не подчиняется, подавляют силой. В теоретическом плане надо определиться с типом общности, к которой ближе глобальный мир: семья, коммунальная квартира, селение, страна или некая другая форма общности. Разумеется, полного совпадения ни с одной из перечисленных форм общности не будет, это некий новый тип общности. Здесь важно отметить, что глобальный мир – это еще не все человечество, а всего лишь расширяющаяся сфера социального объединения, хотя и представленная наиболее развитыми зонами. Глобализация ведет к переструктурированию мира, идет процесс складывания новых геоисторических общностей.

Жизнь современного общества обрела еще одну обусловленность – его дальнейшее существование без науки невозможно. Наука теперь – не просто непосредственная производительная сила, а главный, и, возможно, единственный источник получения новых ресурсов жизни. Но как организовать ее? Новое знание, обеспечивающее получение нового источника ресурсов, является фундаментальным. Здесь возникают два обстоятельства. Первое связано с неопределенностью результатов фундаментальных исследований с точки зрения способа и области их применения. Наука, как целостное знание, представляет собой общечеловеческое явление, а производство ресурсов – отраслевое, дифференцированное. Заранее определить отрасль применения фундаментального знания невозможно. Отсюда вытекает второе обстоятельство, связанное с естественным стремлением субъектов

социального взаимодействия избежать расходов на науку в связи с ее всеобщим, внеотраслевым развитием и частным, отраслевым функционированием в качестве средства производства. Кого и как привлекать в науку, если, с одной стороны, научная деятельность становится все более общественно необходимой, а с другой стороны, все менее престижной и материально привлекательной? В науку нельзя командировать, направлять по схеме воинской повинности.

Предельно общим выражением возрастания роли науки в жизни современного общества может быть тезис о том, что она творит глобализацию. В частности, анализ перспектив энергетики, как системообразующего фактора мировой социальной структуры, позволяет рисовать фантастические геополитические сценарии будущего. Сложившаяся в XX веке политическая система земной цивилизации, питаемой нефтью, неизбежно перестроится даже в случае изменения нефтяных маршрутов, как когда-то менялись цивилизации вместе с изменением торговых путей. Но впереди видится фундаментальное изменение – абсолютное истощение нефтяного энергетического источника, грозящее обрушением самого здания цивилизации. В свете данного обстоятельства технологический оптимизм, вообще, и сциентизм, в частности, переходят из разряда абстрактных мировоззренческих конструкций в ранг методологических оснований определения перспективных направлений реальной научно-технической политики. Мало найдется тех, кто усомнится в возможности нахождения альтернативных источников энергии, хотя возможности атомной энергетики в этом смысле вызывают сомнения, а реализуемость термоядерной пока что просто остается под вопросом. Здесь ясно лишь то, что получить эти альтернативные источники энергии смогут лишь технологически передовые страны. Но в таком случае коренным образом меняется вопрос о месте так называемых развивающихся стран в измененном социальном пространстве глобального мира. Гипотетические варианты развития демографической и экономико-географической ситуации: научно-технический переворот, лишнее население, лишняя территория. Но такая модель сокращения материально-производственной жизни не просчитывается. А зачем сейчас нужны территории третьего мира? Источники энергии и сырья, размещение грязного производства. Но самое главное – источник рабочей силы.

В целом можно констатировать все большее превращение лидирующих стран в мировые управленческие конторы. Но они демографически сами замещаются выходцами из третьего мира. Опять остается главное – не хватает места лидирующим странам. Действует закон неравномерности материально-технического, а за ним и социально-экономического развития. Формы передела мира исторически меняются, но имперская суть владения миром остается.

Нельзя не учитывать возможность еще одного сценария, при котором развивающиеся страны превратятся в развитые индустриальные страны. В настоящее время темпы их промышленного развития выше, чем у развитых стран. Но отношение постиндустриальных и индустриальных стран будет уже совершенно иное, нежели привычное отношение индустриальных и аграрных и сырьевых. Какая здесь будет форма зависимости и какая форма силового воздействия? Какие новые виды оружия? Воздействие излучением?

Кризис современной цивилизации, понимаемой как технологический способ жизни и как мировое сообщество, существенно отличается от прошлых кризисов, связанных с перепроизводством и переделом территорий и приводивших к войнам, в которых искали выход из кризиса. В соответствии с техносциальной формулой общества происходит абсолютный рост производства, населения и потребления. Если до недавнего времени абсолютный предел роста связывался с ростом населения (недостаток продовольствия), то теперь на первый план все больше выходит угроза предела самого производства, эффективность которого неуклонно снижается. Начало такого кризиса отчетливо проявляется в нарастающем дефиците энергоносителей.

В целом наблюдается рост предметной оснащенности человеческой жизни, усиливается материальное воздействие на окружающую природную и социальную среду, то есть уси-

ливается предметное давление людей друг на друга. Усложняется система нормативности общественной жизни (например, в дорожном движении, в сфере массовых коммуникаций и т.п.). Углубляется противоречие между естественным правом каждого человека на то или иное действие со своей стороны и таким же правом ограничения этого действия со стороны других людей. Абстрактно это противоречие неразрешимо, но конкретно оно решается в системе социальной дифференциации, в отношении “цель – средство”.

В условиях глобализации кризис материально-технического развития сопровождается кризисом социально-культурной идентификации субъектов мирового взаимодействия.

Таким образом, механизм кризиса современной цивилизации в самом общем виде можно обрисовать следующим образом:

Есть определенные циклы, не заданные и не повторяющиеся. Общество все время идет по какому-то новому пути. Новизна – это объективная необходимость цивилизации. Здесь нет никакого ценностного содержания. Новизна – не судьба, не обреченность, не приговор, это просто необходимость. Но всегда какие-то этапы устоявшегося способа существования. Если не переменить способ, когда он исчерпывается, будет кризис. Если из кризиса не выйти, будет конец. Опять же, не в том смысле, что все погибнут, а в том, что общество безостановочно покатится назад. Но это только абстрактно-гипотетически, ибо человечество всегда меняет направление и движется дальше. Именно дальше, а не вперед, поскольку такого определенно-поступательного направления просто не существует.

Будущее никогда не будет лучше или хуже настоящего, которое, в свою очередь, не хуже и не лучше прошлого. История – это никогда не прекращающееся настоящее, в котором всегда кому-то хорошо, а кому-то плохо, то есть всегда сохраняется фундаментальное социальное отношение, разделяющее людей на цель и средство. Состояние, когда всем было бы хорошо или плохо, принципиально невозможно.

Рост предметной оснащенности жизни, влияние на окружающую природную и социальную среду возрастает, т.е. людей друг на друга. Как это совмещается с правом, какова вообще динамика нормативности общественной жизни в этом контексте? Например, правила дорожного движения – скорость, алкоголь и т.п. Абстрактно это не осмыслить – естественное право каждого на действие со своей стороны и ограничение действия с другой стороны. При конкретном подходе все встает на свои места – социальная дифференциация, отношение “цель – средство”.

По мере цивилизационного развития проблемы будут обостряться. Точнее – будет эволюционировать специфически-человеческий способ жизни: все больший отрыв от естественных оснований, увеличение степени риска, обострение всех проблем. Идеального состояния не будет никогда, потому что его не может быть в принципе. Ухудшение положения будет все более вероятным: обострение борьбы, обострение средств ведения войны, средств уничтожения. Равно – совершенствование всех средств защиты, но общая неравномерность увеличивается. Т.е. от каждого конфликта все более разрушительные следствия.

В целом картина такая: достижения идеального состояния не будет, потому что оно невозможно. Остается состояние борьбы за выживание, насилия, динамика только в их обострении. Это как падение вниз – остановиться невозможно, в процессе падения состоит вся жизнь, но падение происходит с нарастающим ускорением.

Проблема будущего – это объективная проблема устойчивости развития. Будущее не гарантировано, устойчивость материально-технического и социального развития есть результат борьбы, в которой две составляющие: освоение природы как источника ресурсов жизни и борьба общностей за ресурсы (сейчас это борьба за характер обмена результатами деятельности, когда более выгодный обмен достигается за счет технологического соревнования и путем силового воздействия).

Кто и насколько далеко заглядывает вперед? Какова зависимость нынешних действий (решений) от будущих состояний? Начинается это с возникновения самого образа (моде-

ли) будущего. Чем и кем это определяется? Зависимость такая: чем больше учитывается будущее, тем сильнее развита общность.

Бытует выражение – этот безумный мир. Нет, мир нормальный, обычный, т.е. он соответствует закону. Модели безумного или порочного мира, провозглашающие его исправление, улучшение, прогресс и пр., не имеют под собой объективных оснований и являются идеологическим средством в борьбе за выживание.

Борьба за выживание является абсолютной, первичной. Нормативность общественной жизни имеет подчиненный характер и направлена на обеспечение выживания. Лидирующие общности, имеющие возможность получать дополнительный жизненный ресурс от других общностей, объективно, по необходимости более консолидированы, едины в организации своей внутренней жизни. Отстающие общности, отдающие свой жизненный ресурс передовым общностям, неизбежно разобщены, глубоко дифференцированы и объективно, в силу самого положения, лишены объединяющей нормативности. Объединяющую и спасительную функцию по отношению к такой общности может выполнить только правящая элита, которая, в свою очередь, может это сделать только при появлении в общности волевого организующего начала. Потребность в таком консолидирующем силовом начале отпадет лишь тогда, когда данная общность перейдет в разряд передовых и, по крайней мере, перестанет быть источником дополнительного жизненного ресурса для других общностей, а в доведенном до логического конца статусе передовой сама сможет пользоваться плодами неэквивалентного обмена результатами деятельности, то есть сама сможет получать дополнительный жизненный ресурс. Лишь в этом случае в ее внутренней жизни свобода будет ограничена нравственностью, а духовность станет объединяющей силой. В случае реализации этого положения применительно к России, наверное, нет смысла противопоставлять друг другу в качестве образцов объединяющей духовности мистическую православную святость и какую-либо сугубо рационалистическую наукоподобную идеологичность, – лишь бы данная духовность активно выполняла свою объединяющую, мобилизующую функцию. По крайней мере, ясно то, что озабоченность мировыми проблемами, стремление указать мировому сообществу спасительный путь развития и прочие мессианские интеллектуальные потуги в условиях катастрофической неупорядоченности собственной жизни нельзя квалифицировать иначе, чем экзистенциальное извращение.

Национальные интересы реализуются в сфере межобщностного взаимодействия, и само понятие национального интереса имеет смысл только в аспекте этого взаимодействия. Идентификация общности оказывается возможной только при сопоставлении с другими общностями, идентичность обнаруживается на фоне борьбы интересов, а всеобщим интересом является выживание. Только после распада СССР по-настоящему был осознан вопрос самоидентификации России и других бывших советских республик. Россия, вероятнее всего, так и будет находиться в промежуточном положении между мировыми силовыми центрами. Достижение устойчивости, стабильности на все обозримое будущее остается лозунговой целью, поскольку ее внутреннее развитие находится в полном соответствии с мировым развитием. Общность не может быть без идеологии. Она служит обоснованием ее исключительного права на существование. Не может быть идеологии существования всех, обосновывающей всеобщее существование как таковое, одинаковое для всех по праву на него. Поэтому религия в качестве идеологии недостаточна для широких по своему составу общностей, если не признавать фундаментализм, который представляет собой разделение, форму дифференциации в рамках одной (общей) религии.

Исторически сложилось разделение на бедные ресурсами метрополии и богатые ресурсами колонии. Российская территория не была востребована в колонизационном процессе в силу неблагоприятности природных условий и отсутствия необходимых доступных ресурсов, характерных для XVIII – XIX вв. Поэтому Россия развивалась на своей собственной базе независимо от окружающего мира. Теперь картина материально-технического развития изменилась. Россия оказалась богатой энергетическими ресурсами, доступными

для современного уровня техники и технологии, но ее уже не завоевать. Более того, она может соединить современные технологии с ресурсами, чего нет в такой степени в других странах.

Энергетические проблемы в России ощущаются острее, чем в остальном мире в силу неблагоприятных природных условий (не только климат, но и малая плодородность почвы). Чтобы выжить, надо больше затратить ресурсов жизни на единицу жизни. Геоисторическая формула России в большей степени неблагоприятна. По мере цивилизационного развития эта проблема обостряется. Но можно и так рассуждать: цивилизационное развитие вывело Россию на передовые рубежи. Энергетические ресурсы, лес, пресная вода, наконец, просто резерв свободной территории, перекрывают издержки холода и бедности почвы. У России есть преимущества. Но если не будет инновационного развития, то при количественном росте, при расширении предметного разнообразия жизни (предметной номенклатуры существования) все большая доля усилий будет затрачиваться на простое поддержание жизни.

Для освоения территории (ресурсов) не хватает квалифицированного населения. Но для наращивания населения (рождаемость, переселение) и обеспечения его качества требуются дополнительные ресурсы, а для содержания на должном уровне необходим постоянно высокий уровень обеспечения. Такого объема ресурсов сейчас нет, и где их взять – неизвестно. Вообще здесь наблюдается элементарное объективное противоречие между большим количеством природных ресурсов (позитивный фактор) и большим количеством ресурсов на содержание производительных сил, осуществление производственных процессов.

Глобализация предполагает рост масштабов, укрупнение, интеграцию, специализацию материально-технического развития. Для России же характерна его мелкомасштабность (за исключением Газпрома). Причины лежат на поверхности – отсталость в технологиях. Не обеспечить состыковку целостности материально-технического и производственного развития. Главный отрицательный момент современного управления в России – отсутствие масштабности, адекватной территории и массе ресурсов, в первую очередь, стратегических.

Диверсификация экономики означает функциональное дробление ее отраслей, т.е. их переключение с монотоварного на политоварное, многопрофильное производство, переход к выпуску различных видов продукции, производимой на одинаково высоком технологическом уровне. Применительно к России речь идет, в первую очередь, о диверсификации военно-технического комплекса, развитию на его основе производств, ориентированных на другие виды потребления. Однако конверсия ВПК является лишь составной частью диверсификации российской экономики. В более широком плане диверсификация предполагает полипрофиллизацию всех отраслей производства, когда экономика страны складывалась бы не из узкоспециализированных гигантов – монополистов, производящих либо самолеты, либо корабли, турбины, металлопрокат, электротехнику и т.д., а представляла бы собой комплекс многопрофильных производств, конкурирующих друг с другом и потому заинтересованных в выпуске высококачественной продукции. Здесь уместна аналогия с качеством металлического сплава, который тем более прочен, чем мельче его кристаллическая структура. Разумеется, диверсификация экономики не означает дробления производств, но общая масса малых предприятий необходимо оказывается значительной. Все это требует роста инвестиций, обязательно сопровождающихся внедрением новых технологий, без чего инвестиции не будут эффективными. В целом диверсификация экономики является главным условием инновационного развития, которому нет альтернативы в настоящее время.

Однако при такой постановке вопроса нельзя забывать еще о двух очень капиталоемких сферах общественного производства – создании устойчивой инфраструктуры, отсутствие которой всегда было тормозом российской жизни, и обеспечении достаточного количества населения при его высоком качестве. Как известно, человеческий капитал, челове-

ские ресурсы России сейчас предельно истощены и требуют для своего восстановления огромных вложений.

Последние сто лет российской жизни ознаменовались призывом к всеобщему благополучию, борьбой высокий уровень потребления по исторически сложившимся показателям. Чем шире сфера потребления, тем больший объем богатства требуется, тем труднее для России его обеспечить. Гонка в потреблении (как и в вооружении) все время отбрасывает Россию назад и все время обостряет внутреннюю борьбу за потребление. Навязывание образа жизни, ориентирующего на массовое потребление, разрушает Россию. Здесь нет никакого злого умысла ни с чьей стороны, это объективный процесс. Но одновременно и форма соревнования, борьбы тоже.

Дискуссия о среднем классе, критериях отнесенности к нему. Фундаментальным критерием является способность (возможность) к выживанию на долгосрочной основе, а не в период перенапряжения сил, которые в любой момент можно утратить. Средний класс – возможность выживания, но собственным трудом в буквальном смысле. Высший класс в магазины не ходит и в очередях не стоит. Вот в чем разница по качеству. Да, такой класс является основой развитого общества, но его консолидирующим фактором является положение общности во внешнем социальном взаимодействии, неэквивалентный обмен за счет более квалифицированного труда, передовых технологий.

Модель постиндустриального общества, сформировавшаяся на примерах жизни лидирующих стран, на почве российской действительности означает следующее: никто не хочет работать в сфере материального производства, все хотят управлять, заниматься бизнесом, играть в футбол, теннис, петь танцевать, драться на ринге и т.д. Конечно, зрелищные профессии труднее производственных, они требуют больше таланта и труда, однако все наиболее талантливое концентрируется в лидирующих странах – и наука, и искусство, и спорт, – туда приток талантов извне, из аутсайдеров, в сопровождении со строителями, уборщиками, официантами и другими представителями сферы обслуживания. А материальное производство выносится вовне – сборка автомобилей, прокат металлов и пр. На территории аутсайдеров складывается индустриальное общество, но на базе привозных готовых технологий.

Последнее время в обороте находится понятие “энергетическая война”. Оно указывает новые исторические формы борьбы за выживание на основе агрессии, которая остается основной формой насилия, направленного не только на энергетику, но вообще ресурсы. Новые формы завоевания ресурсных территорий через установление контроля, а не путем присоединения территории. В этом плане характерно увязывание военно-политической организации НАТО и энергетической безопасности мира в связи с положением России. Россия становится помехой на пути освоения новых территорий в новых условиях. Вполне вероятен ультиматум – либо она допускает к управлению ресурсами, либо их отбирают у нее. Но для этого ее надо обложить со всех сторон. Может ли Россия этому противостоять и надо ли ей это противостояние? Едина ли сама Россия в этом противостоянии? Во-первых возможно просто этническое расчленение как способ устранения. Во-вторых, социальное расслоение (размежевание) на сторонников и противников самостоятельности и целостности России. А средства все те же – демократия и права человека.

Иногда говорят – Запад нас не будет оккупировать. Но ему этого и не надо. Подчинять и управлять теперь можно и без оккупации. Но когда понадобится, то и оккупируют.

Является ли Россия угрозой Западу? Является. Если Россия станет передовой, то она неизбежно кого-то потеснит. Призыв к России стать частью Запада. Но если это случится, то от Запада должно что-то отпасть. Мы не хотим стать частью Запада не потому, что культура другая, а потому что не можем стать его равноправной частью.

Давно сказано, что западный тип жизни – не единственный путь развития. А какой еще? Как это возможно в контексте глобализации? России объективно надо интегрироваться в мировое социальное пространство. Но тогда бескомпромиссная борьба за свои интересы. Желательно обойтись без войны. Но от нас не все зависит, нам ее могут и навязать.

зять. Одна из угроз – мировой терроризм, представляющий собой идеологию, как и все остальные течения и направления общественной жизни (как совокупность идей и как социальная структура). В том и другом смысле он пришел на смену фашизму с его идеей мирового господства избранных и коммунизму с его идеей мировой революции обездоленных. В таком ключе можно представить всю мировую историю. Пока что идеология и средства террора имеют тенденцию к расширению.

Основные выводы:

По поводу нынешней России характерны два типа рассуждений. Первое имеет пессимистический, обличительный характер и акцентирует внимание на потерях того позитивного содержания жизни, которое было достигнуто в период социалистического развития – единая страна, могучая держава, высокоразвитая культура, образование и наука, чувство единого дома, забота о человеке и многое другое, – все это разрушено. Единственный конструктив этих рассуждений в призыве опомниться, пока еще не поздно, и не допустить необратимости процессов разрушения России.

Второе рассуждение оптимистично, жизнерадостно, звучащее весьма однообразно в своем злорадствовании – дескать, давно пора было все это разрушить, наконец-то сбросили, освободились и т.д., – от всего того, что называлось коммунистическим, по данному подходу тоталитарным, порабащившим личность. Здесь деятельностный конструктив один – добить их всех надо. Кого сбросили, от кого освободились? – Это выражено туманно. Что делать дальше? Понятно одно – не допустить возврата, а он, якобы, грозит. Иначе говоря, заслуга в том, что разрушили, а программный лозунг – чтобы не дать восстановиться.

Понимание техносциальной формулы общества позволяет понять и крайность приведенных выше рассуждений по поводу нынешнего положения России. Будет ли она востребована социальным познанием и идеологией практического управления – существенный вопрос. Понятно одно, что тезис о так называемом смутном времени означает лишь то, что в России происходит уничтожение друг друга, уничтожение самих себя. Причина – равновесие внутренних и внешних факторов развития.

Старая система себя исчерпала. Перемены были неизбежны. Гладко и управляемо они пройти не могли, не было на это времени и внешний мир давил. Субъективно, с точки зрения людей, сограждан, было много непомерно тяжелого. Но переболеть в любом случае надо было. Задача в том, чтобы сейчас трезво это оценить, как был призыв к трезвой оценке социализма. Но все время чьи-то интересы идут вразрез. Только сильное государство может все расставить по своим местам. То есть и назад все не вернешь, да и некому, но и оставить все так, как получилось, тоже нельзя.

Но главное, что в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов. Так что рассчитывать на что-то объективное высшее не приходится.

Из утопической модели был неизбежен выход (переход) к естественной модели социальной жизни. Собственное внутреннее реформирование было невозможно, потому что надо было менять качество социального устройства.

Приватизация, как реформа, обернулась всеобщим растаскиванием материального богатства. Возможно, это тоже было неизбежно, поскольку государство на какой-то момент сбросило с себя даже элементарную функцию ночного сторожа. Приватизация породила различие между людьми не на основе обмена результатами деятельности, определяемых способностями, а в ходе простого разделения собственности, в котором люди тоже различались по способностям, но особого рода, не созидательным. Как известно, умение организовать необходимо и в сфере преступности, здесь тоже имеются свои таланты. Следовательно, понимание приватизации, как растаскивания собственности, не является ни оригинальным, ни преувеличенным. Иначе и быть не могло при таком резком переходе от одной системы отношений к другой. Для России крайний либерализм разрушителен.

Дальнейшее зависит от политической воли элиты. Какая бы власть ни была, она должна будет заниматься проблемой выживания общности. Здесь два главных условия: 1. Устранение пропасти между богатством и бедностью; 2. Формирование цели и соответствующей идеологии, которая должна быть, с одной стороны, привлекательна для основной массы населения, а с другой стороны, она должна быть оправданием организующего насилия государства, осуществляемого от ее имени.

Итоги российских преобразований ясны, но по-разному могут интерпретироваться, оцениваться. Однако до тех пор, пока не будет достигнуто единство (общее или победное, навязанное), не будет и общей оценки. Разница оценок – выражение борьбы интересов, многовластие. Власть у государства, никто государства не отменял, но нет государства как достаточной самостоятельной силы, к нему остается отношение как к орудию, захватываемому теми или иными социальными группами.

Предлагается много схем развития России. Но до тех пор, пока не будет сформулирована идея достижения Россией лидирующего положения в мире, а на этой основе – внутреннего благополучия и стабильности, никакие схемы работать не будут. Либо пока не будет достигнуто абсолютное господство определенной силы, подавляющей всех остальных. Иначе говоря, либо демократия передовой общности, либо диктатура отсталой, но самостоятельной (в этом тоже интересы всей общности). А диктатура и несамостоятельность – это вариант банановой республики. Но Россия слишком велика для такого сценария. Стало быть, вопрос стоит о самом существовании России. А острота вопроса обусловлена уже той аномальной неопределенностью, которая связана с неопределенностью ситуации с выборами 2008 года?

В понимании отношений России с окружающим миром надо исходить из следующего:

Россию невозможно уничтожить и ее никто не собирается уничтожать. Здесь объективное противоречие – Россия мешает, и без России не обойтись. В этом выражается вообще противоречие социального бытия – социальное бытие как борьба за выживание и социальное бытие только как совместное существование. Синтез в борьбе за роль в системе отношений “цель - средство”. Следовательно, задача не в том, чтобы спасти Россию от уничтожения, а в том, чтобы не допустить ее превращения в средство.

О жизни зрелого человека говорят, что она еще не закончилась, но уже состоялась. Ничего нового ожидать уже не приходится. До сих пор жизнь поддерживалась только надеждой на нереализованные стремления (возможности). А в начале жизни было именно стремление к чему-то новому, желанному, но неизвестному, неизведанному.

Все это относится и к человечеству. Его существование состоялось, ничего нового уже не будет. Модели будущего, утопии остались позади, сейчас их никто не строит и не выдвигает. В лучшем случае осталось только стремление к решению текущих проблем. Но их не решить раз и навсегда, человечество обречено на их перманентную неразрешимость. Такой вот человечеству приговор. Время экспериментальных социальных моделей закончилось. Остались только проблемы и всеобщая борьба.

Но есть еще один образ – это образ страны. Образ новой страны не только не сформировался, он, строго говоря, и не начал формироваться, не может приобрести целевую заданность. Более определенно обстоит дело с образом прошлой страны, который в рациональном сознании все более тускнеет. В аспекте общественной самоидентификации простых людей образ прошлого вызывает одновременно и сожаление, и облегчение: сожаление об утрате принадлежности к великой стране, которая, как казалось, гарантирует абсолютную справедливость и никогда никого не оставит без помощи; облегчение от осознания беспросветной серости и непреходящей обыденности существования рядового человека. Но все более явственно приходит понимание исчерпания возможностей социалистического способа жизни, иллюзорности надежд на идеальное будущее, обреченности казавшегося несокрушимым коммунистического социума на слом. В свете этого положения особенно болезненно переживается отсутствие позитивного, конструктивного образа современной, а тем более будущей России, когда складывается и укрепляется ощущение

подмены тусклой, подсвеченной одноцветными лозунгами реальной жизни, на жизнь, ярко высвеченную рекламным разноцветьем, но суррогатную.

Реформы, которые затягиваются, переходят в контрреформы.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В РОССИИ

В.В. Силичев

ИрГУПС

Одним из самых перспективных направлений развития экономической науки в XXI веке является концепция того, что понятие физического капитала, воплощенного в инструменты, машины и другое производственное оборудование, может быть расширено включением в него концепции человеческого капитала.

Истоки данной идеи просматриваются в работах У. Петти, А. Смита, И. Фишера, А. Маршалла и других экономистов классического и неоклассического направления.

К концу XIX века в экономической науке сложилось понимание человека и его способностей, навыков, знаний как одного из факторов производства.

Наиболее активная разработка концепции человеческого капитала началась в 50-60-е гг. XX века как попытка объяснить увеличение разрыва в темпах экономического роста и развития между группой промышленно развитых стран и остальными государствами. Над данной проблемой работали Э. Денисон (1962), Т. Шульц (1961), Дж. Кендрик и др. В результате, было установлено, что одним из основных факторов увеличения производительности в промышленно развитых странах в послевоенный период является рост инвестиций в образование (как частное, так и государственное).

В дальнейшем важное значение имели работы Й. Бен-Порэта, Р. Лэйарда, Дж. Минцера, М. Блауга, Ф. Уэлча, Э. Лэзера, Дж. Псахаропулоса, Б. Чизуика, Ш. Розена и др.

Основные положения современной теории человеческого капитала изложены в работах Г.Беккера¹ и Т.Шульца².

На рубеже XX - XXI веков был издан ряд работ российских экономистов, в которых исследуются проблемы человеческого капитала и особенности его формирования в условиях переходной экономики (Дятлов С.А., Капелюшников Р.И., Новолодская Г.И. Денисенко М.Б., Саградов А.А., Сабирьянова К, Нестерова Д. и другие). Изучение человеческого капитала вошло в учебные программы многих специальностей. Можно сказать, что проблемы человеческого капитала и по сей день не только не утихают, а наоборот, все больше и больше обретают актуальность.

В наиболее общем виде человеческий капитал определяется как воплощенный в человеке запас различных способностей, знаний, навыков и мотиваций.

В документах ОЭСР человеческий капитал определяется как "знания, навыки, опыт и другие характеристики, воплощенные в индивидах и имеющие отношение к экономической деятельности"³

Изменения социальных и экономических условий придало человеческому капиталу центральное значение в достижении экономического успеха как для отдельных личностей, так и для стран и народов. Информационные и компьютерные технологии, глобализация экономической активности и тенденция к большей индивидуальной ответственности и ав-

¹ Becker G. (1994) Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis With Special Reference to Education. Chicago: The University of Chicago Press; A Treatise on the Family, Ed Cambridge, MA: Harvard, 1991

² Schultz T. W. Human capital formation by education// The Journal of Political Economy. Vol.68. 1960; его же Investment in human capital: a theoretical analysis // The Journal of Political Economy. Supplement. October 1962; его же Economic value of education. N.Y.1963; его же Investment in human capital: the role of education and of research. N.Y. 1971

³ OECD (1998). Human Capital Investment. An International Comparison. Paris: p. 9